

1

МОЯ СЕМЬЯ

Шестидесятые-семидесятые годы в Советском Союзе — это время расцвета науки, искусства, промышленности и даже, как тогда казалось, сельского хозяйства. Преисполненные энтузиазма комсомольцы и молодые коммунисты энергично осваивали целину, строили новые города и поселки. Природная стихия нарушила дерзновенные, но, увы, непродуманные планы целинников, а уже изрядно постаревшие города и поселки сейчас доживают последние дни.

Но тогда это было время надежд. Время, когда люди, рожденные в СССР, совершенно справедливо гордились, тем, что живут в Великой Стране. Те, кто помнят это время, никогда не согласятся с тем, что они «жили плохо».

Конец хрущевских времен и начало брежневских, так называемый застой, когда компартия была особенно сильной и рабочий народ (а другого у нас тогда не водилось) получал за свой труд достойное вознаграждение.

Государству, которое восстанавливалось после тяжелой, изнурительной и разрушительной войны, были необходимы работники *всех* профессий. Никто

не работал «за бесплатно». Росли заводы и фабрики, строились города. Они постоянно пополнялись рабочими кадрами. Инфраструктура в городах была налажена, а человек защищен социально и материально.

Я родился 13 октября 1968 года в Ростове-на-Дону.

Что такое 1968 год? Это Олимпийские игры в Мехико. Это чемпионат Европы по футболу в Италии, где команда СССР заняла четвертое место. Это студенческая революция в Париже.

В 1968 году впервые на экраны вышла программа «Время».

В 1968 году трагически погиб Юрий Гагарин.

В 1968 году в космос полетел «Союз-3» с космонавтом Георгием Береговым на борту.

В 1968 году первый испытательный полет совершил сверхзвуковой пассажирский самолет Ту-144.

Наша страна развивалась, несмотря на все потрясения: Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, Гражданскую войну, Вторую мировую...

В 1968 году, готов засвидетельствовать, наша страна процветала. Советский Союз был единственной в своем роде страной среди других стран мира, и я отлично помню то прекрасное время моего детства и юности, которое мне посчастливилось застать. Я успел пожить в той стране и отучиться еще на той учебной базе, которая тогда существовала, с теми преподавателями и старшими товарищами, ко-

торые не могли ни учить, ни работать плохо. Они просто не имели на это морального права.

Я родился в нормальной советской семье. Мать и отец работали в Ростовском вертолетном производственном объединении.

Жили мы в Западном микрорайоне. Рядом протекала река Дон. Отец был заядлым рыбаком и к рыбалке пристрастил меня. Летом, осенью, весной с пятницы по воскресенье мы выезжали на рыбалку. Постоянно! Конечно, жить рядом с устьем Дона и не любить рыбалку, я считаю, невозможно. И у нас в доме всегда было много рыбы. Какой только не было! Еще раки шелестели в ванной...

Я рыбалку люблю до сих пор, чего не скажу об охоте: ни в каком виде она меня не прельщает. А какая отличная донская кухня! Жареный сазан с луком или в маринаде, пирожки с визигой, борщ из раковых шеек... Эх! Не говорю уже про вяленого леща, рыбаца, тарань и шамайку... Что, не слышали про шамайку? А между прочим, есть такая рыба. Очень хорошая, по праву заслужившая статус царской рыбы.

Отец моей мамы, мой дед, красноармеец Михаил Ашаев, окончил Сумское высшее военное артиллерийское училище и погиб в 1943 году в селе Дробышево Краснолиманского района Донецкой области, где тогда шли жестокие бои с фашистами. В том же году погиб в Сталинградском сражении и мой дед по отцовской

линии, Иван Иванович Ярошенко. Дедов своих я, увы, не застал. Даже моя мама не видела своего отца. Она родилась уже после того, как отец ушел на фронт.

Моя бабушка по отцовской линии Лида пережила очень многое. Ростов, где она жила, в 1942 году занимали два раза: сначала немцы, потом — румыны. Бабушка осталась совсем одна с двумя маленькими детьми на руках. Голод в Ростове был страшный! Многие жители покинули его и уходили в другие области, чтобы хоть как-то прокормиться.

По рассказам бабушки, оставшиеся жители копали окопы, убирали трупы, срезали мясо с лошадей. Отец рассказывал, как они бегали на хлебозавод, чтобы подышать запахом хлеба. Это летом было проще, хотя бы ловили раков и рыбу на Дону и так спасались от голода. А вместо лакомства жевали сладенькие цветочки акации...

Так сложилось, что моя трудовая биография началась с завода, на котором работали родители. Это завод их породнил, а потом появился я.

Как и все советские дети, я видел перед собой только счастливое будущее. Ведь оно подкреплялось настоящим. Работники предприятия получали бесплатные квартиры, дети каждое лето уезжали в пионерские лагеря, которые тоже были бесплатными, как и спортивные секции. По линии профсоюзов можно было получать путевки в санатории, лечебницы, профилактории...

В общем, все у нас было стабильно и хорошо: только трудись на благо своей страны!

Всю жизнь отец и мама проработали на Ростовском вертолетном заводе. Мама — в отделе снабжения, а отец — слесарем шестого разряда. Он был очень грамотным специалистом, имел много наград, восстанавливал большие станки вместе с инженерами на равных. Отец и мама, оба, ветераны труда.

Представляю, как трудно было моим родителям пережить упадок их завода в 90-е. А ведь сколько специалистов не пережили таких потрясений...

Наш завод выпускал Ми-24 — боевые вертолеты. За устрашающий вид их называли «крокодилами». Между прочим, на этих «крокодилах» было установлено 16 мировых авиационных рекордов (например, в 1961 году — скорость 320 км/ч, которая ранее считалась невозможной для вертолетов). Помимо Ми-24 завод выпускал транспортный вертолет Ми-6, производство которого длилось до конца 1970-х, а с 1980 года завод перешел на Ми-26 — крупнейших в мире серийно выпускаемых транспортных вертолетов.

Наш завод был огромным! Конечно, не «Ростсельмаш», но все же... Поэтому у нашего завода было много «смежников» — по всему Советскому Союзу.

Когда я был школьником, мама часто брала меня в командировки по стране: Москва, Ленинград, Иркутск, Тбилиси, Ташкент...

Летали мы на транспортных самолетах, потому что у завода имелась своя транспортная эскадрилья. Штаб эскадрильи находился при заводе, а самолеты стояли в аэропорту Ростова: Ан-8, Ан-12, Ан-26 и Ан-32. Они летали к поставщикам за материалами, оборудованием, агрегатами. А грузо-пассажирский Ан-26 летал в основном в Москву.

Как-то раз, когда я учился в пятом классе, а может и раньше, мама взяла меня в очередную командировку в Ташкент, и мы полетели на заводском Ан-8. Летчики посадили меня за штурвал, показали, как работает экипаж. Наверное, с того момента меня все время тянуло в небо я и «заболел» небом. После этого случая я практически всегда и теперь, когда летал с мамой на заводских самолетах, пытался вникнуть в летное дело. Наши заводские летчики, видя мой безграничный интерес, всегда охотно показывали мне, как управлять машиной, рассказывали о самолетах и летном деле...

Уже тогда я понял, что оно не такое уж и легкое. Заводским экипажам самим приходилось заниматься загрузкой самолета, простаивать в долгих ожиданиях следующего рейса... По окончании девятого класса, когда остался последний год учебы, мама меня спросила: «Сынок, кем ты хочешь быть?» Она, конечно, очень хотела, чтобы я стал военным, как ее отец, который погиб на войне...

...Его могилу мы долго искали. Нашли только в 1981 году. Военкомат сообщил нам, куда ехать, и мы — мама, отец, я и бабушка по маминой линии Мария Кузьминична — поехали в село Дробышево. Там замечательно встретили нас очень добрые, сердечные люди. Могил было много, братских в том числе. Стали искать. И одна бабушка рассказала нам, что погибших солдат хоронили за селом в одной из братских могил.

Мы пошли в указанном направлении, но ничего не нашли. Хорошо, что в сельсовете нам подсказали, куда идти. Отлично помню: десять братских могил. Над ними возвышается обелиск. Читаем имена на обелиске. Среди них капитан Ашаев.

Нашли моего деда!

Бабушка всю жизнь проработала в воинской части, и второй муж ее тоже был военным. Ну и конечно, моя мама видела меня в будущем военным. Была даже договоренность, что меня возьмут (как внука погибшего красноармейца, кадрового офицера) в Сумское высшее военное артиллерийское училище, которое окончил мой дед. Это было желание бабушки и мамы. А отец хотел, чтобы я пошел работать на завод.

Но я не пошел ни туда, ни туда. Окончив девятый класс, сказал родителям: «Буду пилотом».

В последнем классе я очень старался, усиленно занимался и окончил школу в 1986 году. У меня было одно желание — поступить в летное училище. Эскадрильные пилоты дали мне необходимые советы, как

поступить наверняка, поскольку в училище был огромный конкурс — около 35 человек на место.

Поступал я в Ростове, там работала выездная комиссия. Успешно прошел медкомиссию, сдал все экзамены и был принят в Краснокутское летное училище гражданской авиации, что расположено в городе Красный Кут Саратовской области. Многие летчики с нашего завода оканчивали именно это училище и рекомендовали поступать именно туда. Я так думаю, что моя профессия уже была predetermined с детства. Ведь я попал в летчики потому, что воспринял эту профессию как свое призвание. Никем другим я себя не видел.

В том 1986 году Советский Союз жил почти прежней жизнью. Но тревожные перемены начали ощущаться. Пришедший к власти Горбачев уже постепенно разрушал нашу страну. А что было в последующие годы, всем нам хорошо известно...

И кто бы что ни говорил, но при Л.И. Брежнев и Ю.В. Андропове жизнь в СССР была спокойной и стабильной, и я к ним до сих пор отношусь с большим уважением...

2

ЛЕТНОЕ УЧИЛИЩЕ. СЛУЖБА В АРМИИ

В 1986 году я приехал в город Красный Кут и поступил в высшее летное училище. Конечно, был горд собой, что поступил. Эмоции захлестывали — курсанты, пилоты, самолеты летают, совсем другое окружение. В первый раз вдали от дома, но грустить не приходилось: распорядок на первом курсе, как в армии, учились много, постоянно чем-то занимались. С приходом к власти Горбачева с его перестройкой с высших учебных заведений сняли так называемую бронь. Поясню: до осени 1986 года в учебных заведениях, где имелись военные кафедры, студенты и курсанты не забирались в армию, а когда бронь сняли, последовали массовые призывы молодых людей практически из всех вузов СССР. Конечно, это было неразумно — призывать в армию тех, кто изучает военное дело в высших учебных заведениях. Молодые люди, мечтающие о высшем образовании и желающие «хорошо поступить», порой платили за это высокую цену, отказывая себе в отдыхе и развлечениях. Если бы заранее было известно, что все равно попадешь в ряды вооруженных сил, многие изменили бы для себя систему приоритетов. И в учебных заведениях возникла психологи-